

А. П. СУСЛОВА И Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ: «ЧУЖИЕ» И «СВОИ»

Дагне Бержайте

Вильнюсский университет
Кафедра русской филологии

«Бывают странные сближения...». Сегодня многие, пишущие о творчестве Ф. М. Достоевского, используют эту пушкинскую фразу в качестве своеобразного оправдания включения его текста, а также всего, накопившегося вокруг него, в другие всевозможные тексты¹. Тема созвучий, интекстовых соприкосновений, проникновений «чужих слов» на самых разных уровнях – самое популярное и, в каком-то смысле, самое «выгодное» занятие для тех, кто еще осмеливается что-либо писать об этом писателе, основные пути к изучению которого были намечены (и еще как!) в первые три десятилетия прошлого века². Еще одну удобную форму обсуждения подчас самых отдаленных литературных проблем, соприкасающихся с контекстом творческого наследия Достоевского, в названии своей книги *Диалоги с Достоевским* предложил Р. Л. Джексон (Jackson)³.

¹ См., напр.: Н. Старосельцева, «Бывают странные сближения...», *Достоевский в конце XX века*, Москва: Классика плюс, 1996.

² Milocz, Cz., Dostojevsky and Swedenborg, *Slavic review*, Champaign, 1975, vol. 34, № 2, 302–318.

³ Jackson, R. L., *Dialogues with Dostoevsky. The Overwhelming Questions*. Stanford, California: Stanford University Press, 1993.

Воспользуемся излюбленной фразой достоевсковедов о «странных сближениях», а также авторитетом многолетнего президента Международного общества Достоевского, профессора Иейльского университета Джексона, и остановимся на еще одном «странном сближении» или «диалоге» писателя. Правда, и на этот раз речь пойдет о хорошо известной истории взаимоотношений между Достоевским и Аполлинарией Прокофьевной Сусловой, женщиной, которую все без исключения биографы писателя считали личностью особенной или, как отметил М. Слоним, «... не уступающей ему (Достоевскому – Д.Б.) ни в сложности чувств, ни в остроте чувственности, ни в воле к власти»⁴.

Этот драматический, во многом роковой «диалог» двух незаурядных личностей впервые был обсужден в том самом знаменитом третьем десятилетии XX века, когда ничто, касающееся имени Достоевского, не могло «проскользнуть» мимо внимательнейших и авторитетнейших его читателей: А. Бема, А. Долинина или

⁴ Слоним М., *Три любви Достоевского*, Москва: Имидж, 1991, 121.

Л. Гроссмана. Но своеобразие этого «диалога», как нам представляется, до конца не оговорено. Если личные взаимоотношения писателя и его возлюбленной описаны, изучены (во многом на основании догадок, предположений, гипотез), чуть ли не отнесены такими исследователями, как Долинин или Слоним, в строго определенные разряды человеческих взаимоотношений⁵, то характер их творческих связей, на наш взгляд, нуждается в дополнительных комментариях.

Сразу может возникнуть вопрос о творческой, художественной несоизмеримости обоих авторов или, по-другому, о том, что важнее при взгляде на литературу прошлого: умение оценивать и «отличать талантливое от неталантливое, подлинное от неподлинное, живое от мертвого»⁶ или просто изучение сущности наблюдаемого предмета, желание, как пишет Г. Винокур, понять, «на какие элементы он (предмет) распадается, каковы законы соединения этих элементов, каков генезис их и т.д.»⁷. В нашем случае, выбирать между этими двумя позициями не приходится, ибо здесь мы отдаем предпочтение второй. И не желая однозначно высказываться по поводу эстетической значимости художественного творчества Сусловой, будем считать, что этот вопрос просто не входит в задачу предлагаемой статьи.

⁵ Долинин А. С., «Вступительная статья», *Аполлинария Сулова. Годы близости с Достоевским*, Москва: Издание М. и С. Сабашниковых, 1928; Он же, «От составителя», *А. П. Сулова, Чужая и свой*, Минск: Универсіцецаэ, 1994.

⁶ Сарнов Б., «Зачем считать дольки у Игоря Кобзева?», *Вопросы литературы*, 2003, № 3, 78.

⁷ Винокур Г., «Чем должна быть научная поэтика», *Винокур Г., Филологические исследования*, Москва: Наука, 1990, 9.

По исследованиям Бема, Долинина, Гроссмана, Слонима известно, что Сулова, вольнослушательница Петербургского университета, познакомилась с Достоевским как начинающая писательница в 1861 г. и сразу влюбилась в известного литератора, окруженного ореолом мученика – политического каторжника, ссыльного. Тогда же в журнале *Время*, издаваемом братьями Достоевскими, рядом с романом «Униженные и оскорбленные» появился первый ее рассказ «Покуда» (1861, № 10). Другой ее рассказ «До свадьбы» был опубликован в том же издании в 1863 г. (№ 3); а «Своей дорогой» уже печатался в следующем журнале Достоевских *Эпоха* (1864, № 6)⁸.

Однако самое главное ее произведение (главное в контексте интересующего нас диалога, так как в этом произведении воспроизводится одна из основных душевных драм жизни Сусловой и Достоевского) не было опубликовано. Повесть «Чужая и свой», написанная, видимо, в конце 1863 – начале 1864 гг., была обнаружена Бемом (скорее всего, вместе со знаменитым дневником Сусловой) лишь в 1918 г., в год ее смерти, в петроградской библиотеке Академии наук⁹.

⁸ В 1870 г. Сулова еще опубликовала перевод «Жизнь Жаклина» М. Минье.

⁹ Мнение о том, что почти каждый вопрос, связанный с наследием Достоевского, изучен и не изучен одновременно, окутан тайнами, недоговоренностями и всяческими недоразумениями, подтверждается историей находки и первой публикации знаменитого дневника Сусловой. После статьи Бема в *Свободе* (Варшава) в 1921 г. о три года тому назад найденном им дневнике как об «очень ценном материале», в 1925 г. в Париже в *Последних новостях* была опубликована статья Р. Соловцова «Достоевский и Сулова», где утверждалось, что ценные материалы были найдены Долининым. Бем тогда послал в газету опровержение, но оно почему-то не подействовало на Долинина, в 1928 г. в

Почему повесть сразу не была опубликована – остается лишь гадать. Вряд ли причиной являлась литературная беспомощность молодой беллетристки – сухость, бесцветность языка ее прозы, отсутствие формы и стиля¹⁰. Данное произведение по перечисленным параметрам не «уступает» предыдущим. Не стоит искать причины и в прекращении к этому времени близких отношений Сусловой с Достоевским¹¹. Тогда, в 1864 г., у него еще была возможность помочь с публикацией женщине, к которой он, как известно из немногочисленных сохранившихся писем к ней, долго продолжал испытывать особенные чувства. Ведь опубликовал же он в *Эпохе* «Своей дорогой», хотя ему в начале 1864 г. было не до издательских петербургских дел: в эти месяцы (с ноября 1863 по середину апреля 1864 г.) Достоевский в Москве ухаживал за умирающей женой Марьей

Ленинграде издавшего все материалы о Сусловой в книге Сулова А. П. *Годы близости с Достоевским*. – См.: Магидова М., «Материалы к истории литературных контактов А. Л. Бема 1920-х гг. (Письма А. С. Долинина и Т. А. Крюковой)», *Достоевский и мировая культура*, С-Петербург: Серебряный век, 2003, 19, 231-237. Но и в интереснейших и подробнейших комментариях Магидовой не указывается, когда была обнаружена повесть Сусловой: вместе с дневником или нет, так же как до сих пор неизвестно, где находятся тогда же найденные оригиналы писем Достоевского к Сусловой.

¹⁰ Слоним, *Три любви Достоевского*, 169.

¹¹ После многочисленных встреч и расставаний их пути окончательно разойдутся лишь весной 1866 г. Но переписываться они будут еще, приблизительно, год, о чем свидетельствует последнее известное письмо Достоевского к Сусловой, отправленное в апреле 1867 г. из Дрездена, куда он приехал после своей второй женитьбы (февраль 1867 г.) на Анне Григорьевне Сниткиной. О факте переписки мужа с «этой особой» А. Г. Сниткина упоминает в своем дневнике. – См.: Достоевская А. Г., «Дневник 1867 г.», *Последняя любовь Достоевского*, С-Петербург: Андреев и сыновья, 1993.

Дмитриевной. В конце концов, по поводу издания своих произведений Сулова могла обратиться к помощи двух русских писательниц – Евгении Тур (графине Салиас де Турнемир) и Марко Вовчок (Маркевич), которые так же, как и Сулова, в то время проживали во Франции (где и была написана повесть «Чужая и свой»¹²) и всячески ее поддерживали. Эти две известнейшие и влиятельнейшие в литературном мире России XIX века женщины не могли не быть заинтересованными в распространении как русской женской прозы, так и идей женской эмансипации, которые в те годы Аполлинария Сулова просто идеально воплощала своим образом жизни.

Причину того, почему повесть так и не была опубликована, скорее всего, следует искать в эмоциональном тоне произведения и, главное, в его сюжете, раскрывающем очень личные страницы биографии обоих «героев» интересующего нас диалога. Можно предположить, что повесть, как и ее своеобразный двойник или источник – знаменитый дневник, вообще никому никогда Сусловой не показывалась.

И все же вопрос, знал ли Достоевский о существовании столь интимных записей, остается открытым. О том, что Сулова вплоть до начала 1867 г. могла делиться с Достоевским не только творческими замыслами, но и всеми своими мыслями, чувствами, свидетельствуют ее дневниковые записи. Толчком к созданию этих ценнейших записей, откры-

¹² Сулова после путешествия с Достоевским по Италии и расставания с ним в Берлине в конце 1863 г. вернулась в Париж.

вающих неизвестные страницы из личной жизни Достоевского, и центральным «событием», описанным в ее дневнике, стали не столько печально для нее закончившийся парижский «роман» с испанским студентом Сальвадором, сколько посвящение Достоевского во все драматические подробности этого ее увлечения и всего того, что из этого вышло¹³. Сусллова показывала Достоевскому черновики своих писем к Сальвадору, оговаривала их содержание, советовалась с отвергнутым возлюбленным, прекрасно отдавая себе отчет в том, как в такие моменты он мог себя ощущать. Сусллова не жалела Достоевского – ее дневник и письма это подтверждают¹⁴. Нет необходимости цитировать и комментировать эти фрагменты еще раз: лучше Долинина или Слонима, мастеров «психологического» или «интуитивного» метода, как они сами определяли свой

¹³ Как пишут все вышеназванные биографы, опирающиеся на записи в ее дневнике, именно это сильнейшее увлечение Аполлинарии Сусловой иностранцем послужило, во всяком случае, внешней причиной прекращения ее романтических отношений с Достоевским.

¹⁴ Гроссман, опираясь на неизвестные ныне источники, утверждает, что «народница» Сусллова делилась с Достоевским даже мыслями о том, чтобы отомстить всем оскорбившим ее мужчинам сразу... убийством царя. – См.: Гроссман Л., *Достоевский*, Москва: Молодая гвардия, 1965, 277. С. В. Белов считает, что ей просто «нравилось его (Достоевского) мучить, ибо она знала, “какой он великодушный, благородный! Какой у него ум! Какое сердце!”» (здесь цитируется «Дневник» Сусловой) (...); «В натуре ее самой сидел изначально какой-то бес мучительства, – продолжает Белов, – и она это отлично сознавала, когда делала, например, такую запись в дневнике: “Мне кажется, я никого никогда не полюблю”» – См.: Белов С. В., «Примечания», *Последняя любовь Достоевского*, 440. Но, как нам представляется, последняя мысль из дневника, которую цитирует Белов, ни в коем случае не свидетельствует «в пользу» жестокости Сусловой: запись ведь была сделана после двух сильнейших любовных разочарований!

подход к литературе, все равно не скажешь. Для нас же здесь важно лишь одно: кое у кого может возникнуть предположение, что Сусллова могла показать Достоевскому свой дневник или повесть, написанную на его основе. И это было бы вполне возможным.

В повести под названием «Чужая и свой» автор, видимо, изначально главным героем хотела сделать не себя, а другого – так появился герой с фамилией Лосницкий. В его образе не трудно распознать Достоевского, но не знаменитого писателя, а просто человека, после семимесячного расставания спешащего к своей возлюбленной в другой город (Сусллова приезд Достоевского к ней из Петербурга в Париж заменяет приездом Лосницкого к Анне из Москвы в Петербург). Но внимание автора повести не задерживается на «другом» и переключается на героиню, т.е. на себя, в замысле повести появляющуюся лишь в мыслях героя. «Затушевать свою роль», «вытолкнуть» на первый план *его*, как оценивает «роли» действующих лиц в дневнике Сусловой Долинин¹⁵, в повести уже не получается.

Судьба Анны, молодой красивой женщины (внешняя красота и обаяние героини особенно акцентируются, но комментировать этого не будем), буквально с второй-третьей страницы полностью овладевает автором, и отныне роль Лосницкого сводится лишь к роли партнера героини в диалогах. Диалоги же, в основном, повторяют записи из дневника Сусловой, фиксировавшей реальные события, произошедшие между нею и Достоевским сразу после его приезда в

¹⁵ Долинин, «От составителя», 16.

Париж. И в дневнике, и в повести «эксплуатируются» те же самые эпизоды и слова героини. А фразу «Ты едешь немножко поздно», произнесенную в реальной жизни и повторенную как в дневнике, так и в повести, Достоевский никогда не сможет простить – об этом свидетельствует его письмо от 19 апреля 1865 г.¹⁶.

По ходу событий герои повести пытаются объясниться в своих чувствах, разобраться в причинах их возгорания и угасания. Лосницкий говорит вслух о непрекращающейся страсти, переплетающейся с дружбой; героиня чаще раскрывается во внутренних монологах. От изначального внимания к внутреннему миру Лосницкого к концу повести не остается и следа. Перемены очевидны и в другом: если герой продолжает настаивать на своем, то чувства героини претерпевают значительные изменения. Сначала Анна характеризуется при помощи собственных мыслей и слов о легких угрызаниях совести, сочувствии, жалости к Лосницкому; потом все чаще и чаще встречаются ее размышления о заканчивающейся любви, приносящей ей лишь стыд, горе, страдания. Освободившись и от этого, становясь свободной («Я опять свободна! Нет более рабской тревоги ожиданий и страха, не за что

¹⁶ «Она (Суслова) колет меня до сих пор тем, что я не достоин был любви ее, жалуется и упрекает меня беспрерывно, сама же встречает меня в 63-м году в Париже фразой: “Ты немножко опоздал приехать”, то есть она полюбила другого, тогда как две недели тому назад горячо писала, что любит меня. Не за любовь к другому я корю ее, а за эти две строки, которые она прислала мне в гостиницу с грубой фразой: “Ты немножко опоздал приехать;” – См.: Достоевский Ф. М., *Полн. собр. соч.*, С-Петербург: Наука, 1996, 15, 262–263.

бояться, нечего терять. Мечта о счастье – бред праздной фантазии, жалкое убежище трусов и малодушных – рассеялась, и действительность, голая действительность, стоит одно, сухая, голодная»¹⁷), героиня Сусловой неминуемо сталкивается с новой проблемой – выбором пути. И в конце повести Анна выбирает... самоубийство, так как для нее жизнь без любви оказывается скучной и бессмысленной. «Жизнь, которую они вели, – читаем в повести, – отсутствие всякого дела, всякого круга, при взаимном несогласии, становилась невыносимой...»¹⁸.

Разговоры о личном счастье и необходимости общего дела или, точнее, о возможности личного счастья лишь при наличии общего дела, напоминают основные идейные установки романа «Что делать?». Публичные лекции и чтения – концерты с участием Н. Г. Чернышевского, Н. А. Некрасова или А. Ф. Писемского не прошли даром для бывшей вольнослушательницы Петербургского университета. Долинин характеризует Суслову как женщину, «которая рано вышла на дорогу, чтобы стать одной из первых жертв идей своего времени, так пленительно представших перед молодым тогдашним поколением»¹⁹. Увлеченность революционно-демократическими идеями, как считают некоторые достоевковеды, стали одной из причин разрыва отношений между Сусловой и Достоевским. Белов пишет: «... любовь-ненависть могла питаться и, несомненно, питалась глубокими идейными расхожде-

¹⁷ Суслова, «Чужая и свой», 120.

¹⁸ Там же, 127.

¹⁹ Долинин, «От составителя», 4.

ниями между верующим монархистом Достоевским, каким он вернулся после каторги и ссылки, и страстной нигилисткой Суловой, неистово отрицавшей весь «старый мир» и даже готовой примкнуть к антиправительственному террору»²⁰.

Но у Суловой, в отличие от ее учителей-шестидесятников, однозначно побеждает дух разочарования жизнью, дух разрушенных романтических иллюзий, примерно, в лермонтовском ключе. Нестановитно в дневнике и в письмах Сулова не раз отмечает свою любовь к Лермонтову, вспоминает его строки: «А жизнь, как посмотришь с холодным вниманием вокруг, такая пустая и глупая штука». Свое понимание высшего типа личности Сулова связывает с героем лермонтовского, как ей кажется, или, скорее, печоринского типа.

И тема личного счастья понимается Суловой иначе, нежели революционерами-демократами. В повести, дневнике, письмах мысли о личном счастье постоянно сопровождаются рассуждениями о неотвратимости страдания: «... буквально за миг счастья поплатилась муками разочарования, горькой неотомщенной обиды, стыда и раскаяния» (из дневниковой записи о связи с Сальвадором, 13²¹); «Я никогда не была счастлива. Все люди, которые меня любили, заставляли меня страдать, даже мой отец и моя мать» (из письма к Сальвадору, 41); «Я слишком уважаю людей, которые страдают даже несмотря на материальное довольство и личное счастье, я понимаю

это страдание» (из дневника, 73); «Он (видимо, Достоевский – Д.Б.) так много заставил меня страдать, когда можно было обойтись без страдания (...) Теперь я чувствую и вижу ясно, что не могу любить, не могу находить счастья в наслаждении любви, потому, что ласка мужчин будет напоминать мне оскорбления и страдания...» (из дневника, 76); «– Я слишком несчастлива, – сказала я ей (графине Е. Тур). – Поленька, – ответила она. – Кто же не несчастлив, спросите, есть ли хоть одна женщина счастливая из тех, которые любили» (из записи в дневнике, 104); «Он (Достоевский) просил меня писать, когда я особенно счастлива или несчастлива» (из записи в дневнике, 41). В повести Сулова акцентирует вопрос, заданный ей Достоевским: «Любишь и несчастлива, да возможно ли это?» (40). Во фрагменте из повести «Чужая и свой», видимо, тоже переданы слова Достоевского, противопоставляющего любовь, счастье и страдание: «– Я видел твои страдания, твои порывы, но ты не меня любила, а кого-то другого во мне (...) Я не мог понять этого вовремя, я был слишком ослеплен, слишком счастлив... (...) я все-таки в выигрыше: у меня год счастья был и какого счастья» (114). Сам же Достоевский в письме к сестре Аполлинарии Надежде Прокофьевне²² писал:

²² Младшая сестра Суловой стала одной из первых женщин-врачей в России. В 1867 г. в Цюрихе она защитила докторскую диссертацию по физиологии сердца. Ей тогда было всего лишь 24 года. Достоевский, как и многие знавшие ее, не переставал восхищаться ее умом, энергией и добротой. Именно Надежде Прокофьевне адресованы следующие слова Достоевского: «У вас теперь юность, молодость, начало жизни – экое счастье! Не потеряйте жизни, берегите душу, верьте в правду.

²⁰ Белов, «Примечания», 440.

²¹ Здесь и далее цифра указывает на номер страницы издания повести Суловой *Чужая и свой*.

«Мне жаль ее (Аполлинарию), потому что, предвижу, она вечно будет несчастна. Она никогда не найдет себе друга и счастья. Кто требует от другого всего, а сам избавляет себя от всех обязанностей, тот никогда не найдет счастья»²³.

Последняя запись наводит на мысль о том, что именно Достоевский подтолкнул Суслову на размышления о страдании как вечном спутнике счастья. В конце концов, он всем своим творчеством доказывал, что человеческое счастье всегда «покупается» страданием. В написанной в самом начале литературной деятельности повести «Слабое сердце» (1848) герой Вася Шумков сходит с ума потому, что достигающееся счастье он воспринимает как... незаслуженное. О несовместимости счастья и комфорта Достоевский будет не раз писать и впоследствии.

И тут подходим, как нам представляется, к проблемам, во многом обусловившим как развитие личных взаимоотношений между Достоевским и Суловой, так и судьбы героинь «послесловского» творчества писателя, не находящих того, что принято называть личным женским счастьем. О каком-то особом женском счастье, допустим, в понимании Л. Толстого, в творчестве Достоевского и мысли быть не могло, хотя свой излюбленный образ Сикстинской мадонны он никогда не отделял от святости материнского чувства. Как известно, героини Достоевского, несмотря

на всю полифоничность его творчества (которая распространяется исключительно на особ мужского пола), не имеют личной судьбы, также как и личного женского счастья. В одном из последних писем Достоевского к Суловой находим фразу, которая может подтвердить вышесказанное: «О милая, – обращался Достоевский к бывшей возлюбленной 23 апреля 1867 г., – не к дешевому *необходимому* счастью приглашаю тебя»²⁴.

В процитированном письме к Надежде Суловой Достоевский обвиняет ее сестру в эгоизме, в отсутствии человечности, в пристрастии к мучительству («Аполлинария – большая эгоистка. Эгоизм и самолюбие в ней колоссальны. Она требует от людей *всего*, всех совершенств, не прощает ни единого несовершенства в уважение других, хороших черт, сама же избавляет себя от самых малейших обязанностей к людям (...) Зачем же она меня мучает?»²⁵ В том же, напомним, обвиняются и героини романов и повестей Достоевского: Полина из «Игрока», унаследовавшая, видимо, не только имя Суловой, («Сердце, наверное, у вас нехорошее; ум неблагородный»²⁶, – слова Алексея Ивановича); Наталья Васильевна из «Вечного мужа» («Характер решительный и владычествующий; примирения наполовину с нею быть не могло ни в чем: “или все, или ничего” (...) Дар великодушия и почти всегда с ним рядом – безмерная несправедливость (...) Тип был страстный, жестокий и чувственный»²⁷); Настасья Филипповна, глядя на

Но *ищите ее пристально* всю жизнь, не то – ужасно легко сбиться. Но у Вас есть сердце, Вы не собьетесь. А я – кончаю жизнь, я это чувствую. Все равно, – Вы мне как молодое, новое дороги, кроме того что я люблю Вас как самую любимую сестру». – См.: Достоевский Ф.М., *Полн. собр. соч.*, 1996, 15, 264.

²³ Там же, 263.

²⁴ Цит. по книге: Сулова, *Чужая и свой*, 137.

²⁵ Достоевский Ф.М., *Полн. собр. соч.*, 15, 262–263.

²⁶ Он же. 1989, 4, 612.

²⁷ Он же, 1990, 8, 32.

портрет которой князь Мышкин произносит: «Это гордое лицо, ужасно гордое, и вот не знаю, добра ли она? Ах, кабы добра! Все было бы спасено!»²⁸. А. Мановцев в статье «Свет и соблазн» однозначно констатирует неизбежность гибели этой, наверное, самой яркой героини Достоевского: «А она ведь – да еще при такой привычке к роскоши и к праздности (и при нежелании отказаться от этой привычки) – злой была!» (...). «В этой встрече (автор статьи имеет в виду встречу Настасьи Филипповны с Аглаей. – Д.Б.) нашел выражение как бы “архетип” того худшего, на что способны женщины, особенно при соперничестве»²⁹. Л. Левина теми же причинами склонна объяснять, «почему князь Мышкин не мог спасти Настасью Филипповну»³⁰. Но ведь героини Достоевского становились таковыми по причине отсутствия того, что было им самим и обозначено как «дешевое необходимое счастье». Напрашивается вывод: причину «злости» своей возлюбленной Достоевский, окончательно разгадал лишь в своем художественном творчестве, создавая образы оскорбленных, униженных, гордых красавиц, которые всю оставшуюся жизнь готовы мстить за первого обидевшего их, лишившего их самого *необходимого*, пусть и *дешевого*, убившего в них всяческие идеалы. В 1864 г. Сулова написала в своем дневнике: «Когда я вспоминаю, что была я два года назад, я начинаю ненавидеть Д(остоевского), он

²⁸ Он же, 1989, 6, 38.

²⁹ Мановцев А., «Свет и соблазн», «Идиот». Современное состояние изучения, Москва: Наследие, 2001, 268–269.

³⁰ Левина Л. А., «Некающаяся Магдалина, или почему князь Мышкин не мог спасти Настасью Филипповну», *Достоевский в конце XX века*, 343–368.

первый убил во мне веру»³¹. Кстати, возможно, в формировании подобных переживаний и на этот раз не обошлось без «подсказки» Достоевского. Он как-то заметил: «Ты не можешь мне простить, что раз отдалась, и мстишь за это; это женская черта»³² (из записей Суловой в дневнике).

Вспоминается вопрос Долинина: «Спрашиваем: как поступил Достоевский с этим юным существом? Взрастил ли, поднял ли до высоты совершенства? Или сам не удержался на высоте? И зажглись слепые, жестокие страсти и в ее душе; открывалась бездна, в которую, быть может, сила темная, исходившая от него, первая ее и толкнула. И если это так, и был он причастен к греху, к вовлечению в темную сферу греховности, то, как он относился к самому себе в минуты просветления, когда затихали кипевшие в нем страсти? К себе, пусть даже и косвенно соблазнившему “одну из малых сил”?»³³. Далее Долинин подходит к самому главному: «Чувствуем и сознаем всю тревожность и ответственность этого вопроса, когда ищем зависимости или хотя бы соответствия, и в сфере эмоциональной, между личным опытом писателя и его претворением в художественном творчестве. Нам кажется, что именно здесь и находится один из узлов каких-то очень глубоких трагических переживаний Достоевского, нахлынувших на него вместе с ощущением этого непоправимого греха, совершенного им по отношению к Суловой. Так открылась бы

³¹ Сулова, *Чужая и свой*, 28.

³² Там же, 107.

³³ Долинин, «От составителя», 12.

нам первопричина столь огромной эмоциональной насыщенности, в плоскости подобных, “Записок из подполья”, позднее “Идиота” (Настасья Филипповна), даже “Исповеди Ставрогина” (в “Бесах”)³⁴.

Слоним в своей книге выдвинул другой не менее важный вопрос: «...в какой мере Аполлиария влияла на него (Достоевского. – Д.Б.), когда он писал романы шестидесятых годов, до какой степени она окрасила начало этого второго периода в истории его творчества? Помогало ли общение с ней кристаллизации его идей о личности, отвергающей норму, или же Аполлиария очаровала его именно потому, что все внимание его как писателя и мыслителя, было направлено на проблему самоутверждения и своеволия, морального анархизма и безответственного деяния?»³⁵.

Нет однозначного ответа на эти вопросы. Ясно одно, Сулова оказала на Достоевского такое влияние, о силе которого никто даже не мог предполагать.

Но так ли никто? В повести «Чужая и свой» встречается фраза: «“Хорошо ты этим воспользовался”, – подумала Анна, но не сказала ни слова»³⁶. Если учитывать, что Сулова, как считает Долинин, «пишет свои женские образы обыкновенно с себя, эпизоды из личной биографии объективирует в художественные сюжеты»³⁷, то приведенные выше слова героини повести можно рассматривать как предсказание дальнейшей творческой судьбы или, хотя бы, направления твор-

ческих исканий Достоевского, во многом построенных на опыте пережитого с Суловой. В конце концов, все, кто писал о взаимоотношениях Суловой и Достоевского, подчеркивали сходство образов роковых героинь Достоевского, способствующих переменам в жизни героев-идеологов, с Аполлиарией. Как пишет Слоним, «Аполлиария очень похожа на героиню из его романа – черты ее разбросаны в ряде женщин Достоевского: отчасти в Дуне, сестре Раскольникова (“Преступление и наказание”), отчасти в Настасье Филипповне (в ней смешаны Аполлиария и Марья Дмитриевна) и в Аглае (“Идиот”), несомненно Ахмаковой (“Подросток”), в героине “Вечного мужа”, в Лизе из “Бесов” и опять-таки частично, в Катерине из “Братьев Карамазовых”, не говоря, конечно, о Полине из “Игрока”»³⁸.

Когда читаешь повесть «Чужая и свой», действительно, не покидает ощущение того, что текст повести был хорошо знаком Достоевскому: уж очень многое, особенно в противоречивости, непостижимости характеров, напоминает его собственные произведения. Кажется, что рассказанная Суловой трагическая история женской любви в разных вариантах повторяется почти во всех произведениях писателя, написанных после 1864 г., словно она становится их фрагментом, включается в некий общий многослойный, полифонический состав его текстов. Сулова как будто выступает незримой «соучастницей», «соавтором» произведений Достоевского, способствующим «расшифровке», толкованию некоторых аспектов его творчества, в

³⁴ Там же.

³⁵ Слоним, *Три любви Достоевского*, 164.

³⁶ Сулова, *Чужая и свой*, 114.

³⁷ Долинин, «От составителя», 7.

³⁸ Слоним, *Три любви Достоевского*, 164.

частности, женских характеров, до сих пор волнующих читателей³⁹. Кажется, что сама автобиографическая героиня Сусловой «гадает» о своей литературной судьбе внутри текстов Достоевского, предлагая один из вариантов ее решения⁴⁰, становится неким «ключом», помогающим *ее* повестью представить не рассказанное, «не дописанное» до конца из жизни *его* героинь. Иначе говоря, жизненный текст самой Сусловой, в некой концентрированной форме представленный в ее повести, словно включается в текст произведений Достоевского на правах цитаты, как «чужое в своем».

Название повести Сусловой также особенно воспринимается в контексте творчества Достоевского. Здесь можно говорить о проблеме перехода между своим и чужим словом. По М. Бахтину, чужое слово (в данном случае, слово Сусловой) превращается в творчестве Достоевского в свое-чужое (или чужое-свое), «объект в процессе диалогического общения с ним превращается в субъект (другое я)»⁴¹; *ее* слово, которое изначально

она хотела сделать «чужим», т.е. по-своему отстраниться от собственной позиции, постепенно превращается в *его* – для него «чужое» *ее* слово становится своим. Сусллова всегда ощущала себя чужой в окружающем мире. Это выражено в названии повести и обнаруживается в текстах Достоевского в позиции его героинь, строптивых и таинственных, не желающих, вопреки намерению автора, подчиняться мужскому началу «своего». Достоевский также не сделал героиню самостоятельной, она и у него осталась «чужой» и в таком качестве легко обнаруживается в его текстах. Словно сбылась подсказанная Сусловой модель общения мужчины и женщины, сбылось пророческое «Хорошо ты этим воспользовался». Других примеров «воспользованности» долго искать не придется. Достаточно вспомнить, что во время их совместного путешествия была начата повесть «Записки из подполья», лежащая у истоков создания самого парадоксального характера не только в русской литературе; да и мотив любви немолодого человека к юной девушке, как пишет К. Мочульский, «двусмысленное сплетение эротизма и “отеческой приязни”»⁴², впервые намеченные еще в «Бедных людях», полностью развился в его творчестве лишь после встречи с Сусловой. И чем – примерами «воспользованности» или простого совпадения – можно считать письма Сусловой, которые словно без изменения (во всяком случае, на стилистическом уровне) вошли в произведения Достоевского⁴³, «нелю-

³⁹ Составители сборника «"Идиот". Современное состояние изучения» справедливо указывают, что этот роман, по сравнению с другими, рождает больше всего вопросов, и большинство из них группируется вокруг образа князя Мышкина. Но, как мы считаем и о чем свидетельствуют включенные в сборник статьи, образ Настасьи Филипповны представляет не меньше трудностей в его интерпретации. Например, статья А. Мановцева «Свет и соблазн» или ранее опубликованная статья Л. А. Левиной «Некающаяся Магдалина, или почему князь Мышкин не мог спасти Настасью Филипповну» подтверждают неоднозначность современного восприятия этого образа.

⁴⁰ Лучший пример – самоубийство Анны из «Чужой и своего»; Настасья Филипповна в одном из вариантов романа тоже предоставлялась подобная «возможность».

⁴¹ Бахтин М., «Из записей 1970–1971 годов», *Бахтин М., Эстетика словесного творчества*, Москва: Искусство, 1979, 350.

⁴² Мочульский К., *Достоевский*, Москва: Республика, 1995, 236.

⁴³ Вот один из типичных примеров письма Сусловой к Сальвадору. Оно, скорее всего, показы-

бовь» автора к иностранцам, отбивающим возлюбленных его героев («Игрок», «Идиот», «Братья Карамазовы») или сцены женского соперничества («Идиот», «Братья Карамазовы»), воспроизводящие общую атмосферу пережитого после брака со Сниткиной?

Достоевский не раз высказывался о том, что мужчины и женщины не одно и то же: «он берет, она дает», в отношениях между мужчиной и женщиной одна из сторон непременно терпит, непременно бывает обижена. Сулова, видимо, реагируя на подобное, как-то написала в дневнике: «Мне кажется, что в природе есть какие-нибудь законы справедливости»⁴⁴. И она оказалась по-своему права: ее во многом неудачная жизнь, нереализованные мечты, похороненные творческие амбиции, возможно, стали толчком к открытию новой богатейшей страницы в русской литературе.

Наверное, можно утверждать, что диалог «Достоевский и Сулова» вполне

валось Достоевскому: «Ваше молчание, милостивый государь, мне доказывает, что вы или не получили мое письмо в августе месяце, или же по крайней мере, что вы хотите получить еще раз подробнее. Я вам его воспроизвожу, со всеми приложениями, как я вам его обещала. Посылая с тем письмом эти несчастные 15 франков, я хотела *рассчитаться* с вами за вашу услугу, которую я приняла тогда за знак дружбы...» – См.: Сулова, *Чужая и свой*, 54.

⁴⁴ Она же, 46.

вписывается в область интертекстуальных связей, характеризующих возможные контакты имеющихся текстов. При этом проблемы авторского обращения с «чужим» словом могут и не затрагиваться, так как появление суловского текста у Достоевского вряд ли можно назвать сознательной стратегией введения чужого слова. В иерархической системе «чужих» слов у Достоевского «слово» или, по-другому, весь текст Суловой в широком его понимании, занимает не самое почетное место. Но он есть, и не узнать его нельзя, тем более, когда понимаешь, что в произведениях Достоевского общий смысловой контекст играет очень большую роль. Если же углубиться в проблематику поэтики источников, то, скорее всего, можно было бы прийти к выводу об ассоциативном введении Достоевским источника, т.е. текста Суловой, в свой собственный текст. П. Тороп справедливо отмечает, что в таких случаях невозможно «отделить друг от друга сознательную или бессознательную авторскую (в данном случае – Достоевского. – Д.Б.) стратегию»⁴⁵, и подобная область может быть ближе к неразрешимым проблемам психологии творчества и к тайнам рождения искусства.

⁴⁵ Тороп П., «Поэтика чужого слова», *Достоевский: история и идеология*, Tartu: University Press, 1997, 145.

A. SUSLOVA IR F. DOSTOJEVSKIS: “SVETIMI” IR “SAVI”

Dagnė Beržaitė

Santrauka

Rusų literatūrologai (Dolininas, Biomas, Grosmanas, Slonimas) jau ne kartą savo knygoje ir straipsniuose nagrinėjo rusų rašytojo F. Dostojevskio ir jo mylimosios A. Suslovos tarpusavio santykius (1861 - 1867). Jų darbuose, perteikiančiuose visą dramatišką jų meilės istoriją, iš esmės dominavo biografinis ir faktinis aspektai. Pateikiamo straipsnio autorė siūlo pasidomėti ne tik Suslovos dienoraščiu, užfiksavusiu itin daug svarbių rašytojo gyvenimo momentų, bet ir jos grožine kūryba, ypačingai

apysakos “Svetima ir savas” tekstu, galėjusiu daryti tam tikrą įtaką Dostojevskio romanams ir apysakoms. Suslovos sukurti tekstai, jų emocinės nuotaikos, siužetinės peripetijos, jau nekalbant apie komplikuotus moters personažus, įvairiuose variantuose “pasikartoja” Dostojevskio kūryboje. Straipsnyje aptariamas šių dviejų talentingų žmonių kūrybinis dialogas remiantis išorinio intertekstualumo teorijomis, taip pat M. Bachtino teiginiais apie “svetimų” ir “savų” žodžių sąsajas.

Получено: 2005, май.
Принято к публикации: 2005, июнь.

Адрес автора:
Вильнюсский университет
Кафедра русской филологии
Universiteto g. 5
LT-01513, Vilnius, Lietuva
E-mail: Dagne.Berzaite@flf.vu.lt